

УДК 37.013.43+37.013.73
ББК 71.1+74.03

DOI: 10.31862/1819-463X-2020-1-209-219

ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ КЛАССИЦИЗМА И БАРОККО В СТАНОВЛЕНИИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМА АНТРОПОЛОГИЗМА И РАЗВИТИЕ НАУКИ

М. А. Лазарев

Аннотация. В работе на историко-культурологическом материале проводится анализ изменения, направленности научной парадигмы от антропоцентрической до социоцентрической, наиболее характерно отраженного в периоде «Нового времени», то есть периода в истории человечества между «Средневековьем» и «Новейшим временем», оказавшем значительное влияние на эволюцию научной мысли. Показывается взаимно-соотнесенность культуры и искусства, а также разбирается поэтапно ход формирования европейской науки, в которой наблюдается влияние культурной политики государства на мировоззрение общества и целостность научно-ориентированного мироздания. Тогда наука, отраженная как социокультурный феномен, имеет несколько аспектов, таких как влияние культуры и общества на науку и, наоборот, влияние науки на культуру и общество, что определяет направленность научных интересов и самих подходов к пониманию, осознанию мира. Реализация развития науки в интересах государства с неотвратимостью дало возможность представлению о главной роли социального начала в существовании человека, что впоследствии получило продолжение в природе человека. Человек был отрезан от природы и от мира и всецело поглощен системой социальной сферы, так же как индивид был воспринимаем только в системе государства, обцими пределами которого и было ограничено ему мировоззрение.

Ключевые слова: образование, история педагогики, теория культуры, художественный стиль, абрис архитектурной мысли, ансамбль, эстетика, рациональность.

© Лазарев М. А., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

THE EVOLUTION OF THE CULTURAL INFLUENCE OF CLASSICISM AND BAROQUE IN THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN RUSSIA: THE PROBLEM OF ANTHROPOLOGISM AND THE DEVELOPMENT OF SCIENCE

M. A. Lazarev

Abstract. *In the work on historical and cultural material, an analysis is made of the change in the direction of the scientific paradigm from anthropocentric to socio-centric, which is most reflected in the period of the “New Time”, that is, the period in the history of mankind, between the “Middle Ages” and “Modern Times”, which had a significant influence on the evolution of scientific thought. The mutual relationship between culture and art is shown, as well as the step-by-step process of the formation of European science is examined, in which the influence of the state’s cultural policy on the worldview of the society, and the integrity of a science-oriented worldview are observed. Then science, reflected as a sociocultural phenomenon, has several aspects, such as the influence of culture and society on science, and vice versa, the influence of science on culture and society, which determines the direction of scientific interests, and the very approaches to understanding, comprehending the world. Realization of the development of science in the interests of the state with inevitability made it possible to imagine the main role of the social principle in the existence of man, which subsequently received a continuation in the nature of man. The man was cut off from nature and from the world and completely absorbed in the system of the social sphere, just as the individual was perceived only in the system of the state, whose general limitations were limited to his worldview.*

Keywords: *education, the history of pedagogy, the theory of culture, artistic style, the outline of architectural thought, ensemble, aesthetics, rationality.*

Большой интерес представляет рассмотрение тенденций в сфере научного познания в России, в период конца XVII в. еще только лишь вступающую на путь реализации европейского влияния. И так получилось, что процесс вестернизации России обретал свое начало почти параллельно, в годы, близкие началу периода Просвещения в Европе [1; 2].

В этой связи следует отметить, что процесс и путь формирования культуры и науки в специфических условиях России, несмотря на несомненное присутствие общих этапов, обладал серьезными отличиями от Европы. Прежде всего, следует отметить, что в России не было эпохи Возрождения в ее первоначальном, европейско-итальянском виде, в то время как влияние эпохи классицизма на формирование культуры было наиболее весомым и существенным. По значению и роли классицизма культуру

России можно сравнить только с самой Францией, правда, Франция успела пройти через Ренессанс, и классицизм в ее условиях имел конкретную и характерную барочную специфику. При этом оба государства отличались исключительно высокой степенью централизации системы управления и ролью высшей, царской или королевской, власти.

Первой культурой Западной Европы, оказавшей серьезное влияние на становившуюся русскую империю, стало барокко, проявившееся еще в допетровский, а точнее, в предпетровский период. Основоположником барокко на земле российской, очевидно, стал великий князь В. В. Голицын, образованнейший человек своего времени и фаворит царевны Софьи Алексеевны в эпоху ее краткого правления в 80-х гг. XVII в. Либеральный курс модернизации, намеренный поклонником культурного влияния

Италии В. В. Голицыным и проводимый им под патронажем Софьи Алексеевны, чрезвычайно соответствовал мировоззрению эпохи, сформированной влиянием уже традиционной войны с Польшей, но не предполагал строительства и возрастания имперского единства и величия страны.

В. В. Голицын, оказавший важное и недооцененное влияние на русскую культуру, стал, конечно, лишь инициатором рождения стиля «московского барокко», более известного затем под именем «нарышкинского» в честь новых заказчиков, перехвативших у него бразды правления и право основать «свой» стиль в архитектуре. Однако стиль «московского барокко» было бы верней назвать «голицынский», поскольку уровень образования и мировосприятия провинциального дворянства все же не предполагал возможность инициативы в деле присвоения культурных ценностей Европы в данный период [3].

Первым сооружением – монументальным зданием, несущим на себе печать барокко, был Большой Донской собор в Москве, построенный В. В. Голицыным и Софьей Алексеевной по нетрадиционному для канонического православного собора плану «внешнего креста», при закругленных углах и богатстве храмовой отделки. В сущности, процесс развития барокко начинался возведением Донского храма и заканчивался возведением собора Смольного монастыря в Санкт-Петербурге, охватив отрезок времени не более восьми десятков лет.

Непосредственно в образовательном аспекте В. В. Голицыным основан был и первый университет в России, – знаменитая Славяно-греко-латинская академия в Москве, созданная по модели Могиланской академии в Киеве и польско-католических университетов. Несмотря на длительные «муки родов», обусловленные ситуацией конфликта католического содержания с изначальным православно-христианским направлением русской культуры, академия к началу XVIII в. уже пользовалась несомненной популярностью среди московского дворянства, оказав весомое влияние на форми-

рование науки и искусства. Будет лишь достаточно упомянуть, что в ней учился сам М. В. Ломоносов – выдающийся словесник и поэт своего времени, который оказал огромное влияние на процесс формирования русского языка. Учеба в академии способствовала многоплановости и универсализму интересов М. В. Ломоносова, и вполне очевидно, что его способности как русского поэта были сформированы отнюдь не под влиянием образования в университетских городах германских княжеств, где титан русской науки обучался позже. В данном случае решающая роль была оказана образованием в России, причем отнюдь не в Петербурге, а в самой Москве.

Эпоха Петра I Великого тоже шла под знаменем барокко, хоть последнее совсем не соответствовало идеологеме построения империи. Однако классицизма Петр практически не видел – раньше 1718 г. он до Франции не смог доехать, а барокко, в силу своей общей креативности, способно было создавать прекрасные возможности для поиска путей практического преобразования страны. И в известном плане Петр Великий вполне продолжал традицию В. В. Голицына за исключением того, что избранный им курс был, разумеется, совсем не либеральный, а вполне имперский и поэтому противоречил мировосприятию барокко. Под влиянием этой культуры хорошо было осуществлять реформы и нововведения, но при этом крайне несподручно управлять такой большой и разноплановой страной.

Российская наука и культура европейского характера была рождена в эру барокко, под его прямым и непосредственным влиянием. В 1724 г. Петр I утверждает в Петербурге Академию наук и Университет при ней, в стены которой потянулись в основном германские ученые, которые сформировались также под влиянием идеологии барокко. Под влиянием этой культуры сформирован был не только сам великий М. В. Ломоносов – физик, химик, естествоиспытатель, астроном, поэт, филолог и историк, но и поэт А. П. Сумароков, который известен в светских кругах, – чтобы представить всю

специфику влияния барокко на мировоззрение лучших умов России.

К эпохе барокко непосредственное отношение имели и В. Татищев, Кантемиров, Феофан Прокопович и митрополит Дмитрий Ростовский, а также выдающийся ученый, инженер, артиллерист, фельдмаршал, астроном эпохи Петра I Яков Вилимович Брюс, личность и деяния которого овеяны легендами в духе барокко. В русской культуре личность Я. В. Брюса представляет собой отражение идеи человека, ищущего «философский камень», «мага-чернокнижника», астролога, что в высшей мере характерно для Европы, начиная с периода и эпохи позднего Средневековья и особенно Ренессанса и барокко. Следует отметить, что в «просвещенную эпоху» подобные вопросы в принципе уже не возникают.

Первый проект модернизации идеологических, мировоззренческих основ развития страны благодаря влиянию барокко Петр I не сумел и не успел оформить. Система государства непосредственно нуждалась в строго выстроенной базовой идее и концепции центральной власти при наличии прямого подчинения человека идеалам и началу государства. Личное в такой системе меркло перед государственным, и сам Петр I не мог этого не сознавать, что прямо следует из созданной им системы власти и принимаемых решений. Только в данном случае была возможность сохранить характер преобразований императора, основанных на усилении его личной власти и ее вертикали в целом [4].

Общая концепция барокко, в свою очередь, была ориентирована и обращена на утверждение свободы и начала личности, но для идеи укрепления и усиления государства она, по определению, не подходила. Данная культура вполне соответствовала либеральному проекту Софьи Алексеевны и князя Василия Васильевича Голицына и, может быть, в определенной мере, периоду раннего и юного Петра, но в принципе не подходила для условий становления крупнейшей империи, задача эстетизма и свободы личности в которой не являлись суще-

ственными. Если общая концепция барокко оказалась в целом неприемлемой для европейской страны Франции времен Луи XIV, то что же в подобном случае возможно говорить о России, закончившей лишь первый этап своих реформ?

В итоге возникает мощное противоречие между политической программой и устройством государства с его знаменитой «Табелью о рангах» и служением обществу и стилистикой барокко, принятой в роли культурной базы и основы государства. Россия оказалась в ситуации противоречия между характером присущего ей способа устройства государства и системы базовой культуры и влиянием культуры Западной Европы. Идеология не соответствовала характеру культуры.

Конечно, было бы намного эффективнее, если бы при всем отличии от Западной Европы в качестве основы для культурного влияния был бы использован другой, более близкий и понятный стиль, применимый для имперских целей и культуры. Но, за исключением той же Франции Людовика XIV, стиль барокко безраздельно доминировал в остальных странах Западной Европы, а выход в Европу непосредственно предполагал взаимное влияние культур. Для близкого общения с Европой следовало создавать и соответственный фасад, который, наряду с другими достижениями европейской мысли, был заимствован Петром I преимущественно из горячо любимой им Голландии [5].

Вопросами культурно-идеологического плана прагматически настроенный российский государь стал заниматься почти исключительно в последний период правления и, разумеется, их завершить не успел. Преемники великого Петра не обладали ни необходимой степенью образования, ни ума и понимания для продолжения его реформ, в числе которых в наибольшей мере актуальной и необходимой, наряду с решением «Южного вопроса», было утверждение культурно-идеологической основы государства европейского характера. Все усилия их уходило на попытки сохранения и поддержания петровских преобразова-

ний и достигнутых царем Петром I позиций, но без должного движения вперед и продолжения реформ успехи эти были весьма относительны. А в целях достижения движения необходимо было становление культуры и идеологии.

Особенно проблемность, зыбкость ситуации реформ прослеживается в период правления императрицы Елизаветы Петровны – родной «дщери» Петра I, когда Россия, уже «отдохнув» от периода реформ самого Петра, испытывала период развития культуры и искусства.

Двадцатилетний период правления Елизаветы Петровны отмечен недостаточно высокой эффективностью системы государственного управления, непомерными затратами на роскошь и проблемами казны, о чем свидетельствует ход участия России в Семилетней войне с Фридрихом II и ее фактические результаты. При общем развитии культуры, музыки, архитектуры, живописи спектр ее распространения оставался, безусловно, крайне узким, элитарным, не охватывая в целом даже собственное дворянские круги. И тому имелись непосредственные основания. Барочная культура не была пригодна для ее распространения в сколько-нибудь широкой мере, сдерживаясь воинской задачей самого дворянского сословия. Пока дворянство не было свободно, данная культура не могла приобрести широкого распространения, но этот самый факт спасал Россию как империю, не позволяя ей проникнуть-ся влиянием барокко.

Но вместе с тем страна не получала должного развития и закрепления в культуре непосредственно того имперско-европейского культурного влияния, которое ей изначально обеспечил Петр I. Чрезвычайно узкая прослойка светского культурного дворянства, сформированного в матрице барокко, была слишком зыбкой, неустойчивой основой и опорой для страны, вступившей отчасти на европейский путь развития, к тому же, в дополнение к своей малочисленности, иногда преследовала в большей мере личный интерес, чем государственный.

О характере влияния культуры барокко на личность той эпохи непосредственно свидетельствует противоречивая и далеко неоднозначная фигура императора Петра III, вызывающая многочисленные споры у историков и ставшая своего рода прямым апофеозом обозначенной культуры в отношении России. Выросший в условиях барочного двора Елизаветы император Петр III при наличии разнообразных интересов не имел, однако, основного качества, которое позволило ему бы эффективно управлять страной, – способности увидеть и осмыслить интересы страны в целом, путая их со сферой своих личных, индивидуальных предпочтений. И поэтому барочная политика монарха обуславливает кризис власти, отрицая все мировоззрение данной культуры на обширной территории империи.

Принципиально следует отметить, что идеология барокко, к сожалению, не позволяла обеспечить эффективное, успешное развитие страны, служа скорее сфере узко-элитарных социальных интересов самого дворянского сословия. Ее высшим достижением с культом свободы стал известный «Манифест о вольности дворянства» Петра III, который утверждал право свободы службы для дворянского сословия в ущерб всем остальным сословиям страны. И для смены идеологемы требовалось новое правление, способное принципиально изменить акцент в мировоззрении правящих кругов и самого дворянского сословия в целом. Но последний из переворотов весьма неожиданно для многих привел к власти личность, положившую предел достаточно стихийному влиянию гвардии и части дворянства на общественную жизнь страны, а вместе с тем предел мировоззрению всей предшествовавшей эпохи.

Период правления императрицы Екатерины II ознаменован радикальным изменением культурно-идеологической программы. По обыкновению, в числе важнейших достижений периода царствования «Русской Минервы» выделяют разрешение «Южного вопроса», замороженного на корню в эпоху Петра I, и, соответственно, ак-

тивное участие в эпохе Просвещения. Но у этих двух, на первый взгляд, столь разных исторических событий была общая, глубинная идейная основа – переход России к культурной идеологии классицизма [6].

Факт довольно неожиданного, быстро свержения барокко с пьедестала, реализовавшийся Екатериной II, по сути, сразу с ее приходом к власти, почему-то не отмечен пристальным вниманием историков. Хотя сама поспешность данного решения, предпринятого в период, когда стиль только подходил к расцвету, должна по меньшей мере настораживать! Еще только расцветал и развивался стиль барокко в разных европейских странах, а патрон семьи Екатерины II Фридрих II Прусский только приступал к строительству своей Потсдамской резиденции – Большого дворца, тогда как в России, только полстолетия назад проделавшей «окно в Европу», этот стиль оказывается вдруг полностью низвергнутым и позабытым! Остановлена была даже отделка Зимнего дворца – центральной царской резиденции, построенной «для одной лишь славы всероссийской», гениального творения Растрелли, а сам зодчий вынужден уехать за границу, где он продолжал работать над осуществлением своих творений! И навряд ли стоит видеть в этом факте только цели или принцип экономии, к которым часто сводят предпочтения Екатерины II в области искусства и культуры!

Обращает на себя внимание и тот конкретный факт, что утверждение классицизма следует за знаменитым Манифестом о вольности дворянства – документом, порожденным Петром III в странном состоянии порыва свободного «барочного» духа и освобождавшим все дворянские круги от службы государю и отечеству. Отнять у дворянства жалованную покойным императором свободу Екатерина II, конечно, не отважилась, поскольку именно дворяне привели ее совсем недавно к власти, и предпочитала действовать в рамках сложившихся условий. Соответственно, развитие идеологии барокко становилось уже неприемлемым, но создавалась также база и ресурсы

для культурного развития страны и закрепления преобразований Петра II. И осталось только найти новый стиль, который бы позволил через обретение соответствия с русской культурой служить важным задачам – целям грандиозного имперского строительства.

В роли такого стиля выступает классицизм, уже победоносно шествовавший по Европе. Разумеется, первоначальный акцент сделан был на французский классицизм, как наиболее пышный и богатый, сформированный под непосредственным влиянием барокко. В этом стиле архитекторами Франции возводятся Малый Эрмитаж и здание Академии художеств в Петербурге, Кригскомиссариат в Москве, а также наиболее великое и знаменитое творение архитектора В. И. Баженова – дом генерала Пашкова в Москве.

Одновременно с этим наблюдается влияние идеологии эпохи Просвещения во Франции, благодаря которой при интерпретации великого организатора и просветителя И. И. Бецкого наблюдается распространение культуры непосредственно в дворянские и даже недворянские круги. Знаменитый деятель культуры времени Екатерины II И. И. Бецкой мастерски смог «обыграть» идеи Просвещения и классицизма, непосредственно поставив их на службу планам по распространению светской культуры в государстве под началом идеалов социального служения. Продолжая оставаться как бы «вольным», русское дворянство одновременно становится служилым в отношении интересов России, выполняя миссию высокого гражданского служения в различных сферах социальной жизни. Общая идея исполнения дворянством строгих и определенных социальных функций в государственной машине управления подходило под имперско-византийскую систему власти, во много большей и серьезной мере соответствуя петровской «Табели о рангах», чем барочное мировоззрение предшествующего исторического периода.

Следует отметить, что задача «просвещения» и «укрощения» дворянства для Ека-

терины II отнюдь не представлялась праздной, если учесть сам путь ее прихода к власти и права, которые имели лица, обеспечившие ей пребывание на троне.

Именно с екатерининского времени берет свое начало относительно широкое распространение образования в России, простиравшееся много шире, чем лишь на дворянские круги. Если в эпоху правления Елизаветы Петровны обучение не смогло охватывать даже дворянство, часть которого оказывалась в сущности неграмотна, то всего через десять или двадцать лет образование распространяется не только на дворянство, но и на купечество, мещанство, правда, в неизмеримо меньшей мере. По сравнению с предшествующим периодом это был огромный качественный скачок, который через идеалы социального служения приучил российскую дворянскую элиту к ценностям и интересам просветительства. Вплоть до эпохи рубежа XIX–XX вв. прорыв в образовании екатерининского времени является непревзойденным по своим масштабам и значению.

Об успешности и эффективности правления Екатерины II и присущей ее царствованию идеологии классицизма позволяет судить факт реанимации при ней Московского университета, ставшего к 1780-м гг. одним из наиболее популярных центров по образованию российского дворянства. Если в период елизаветинского царствования университет держался только на усилиях и деятельности самого М. В. Ломоносова, то при Екатерине II он превращается в общественно востребованный и достаточно самостоятельный научный и культурный центр.

Благодаря своей политике Екатерина II создала новый импульс для развития страны, которого империя ждала со времени правления Петра I. Она распространила светское культурное влияние на достаточно широкие дворянские круги, одновременно с этим, чисто по-французски, ограничив его сферой социального служения и интереса, как намеченной еще самим царем Петром в его известной «Табели о рангах». Начиная с этого момента степень престижности в си-

стеме государства становился непосредственно культурный интерес.

Принципиально знаковым и символическим явлением екатерининского Просвещения и классицизма послужило воздвижение «Медного всадника» – памятника Петру I в Санкт-Петербурге, при сооружении которого Екатерина II утверждает культ Петра I как просветителя, тем самым как бы «вписывая» личность императора в программу своих преобразований. Монархический аспект, столь характерный для модели византийского правления, оказывается неожиданно объединенным с европейским, просветительным, создав устойчивую почву для существования страны на протяжении последующей сотни с лишним лет. Основав Санкт-Петербург, «пробив окно в Европу» и начав осваивать культуру Запада, царь Петр I предстает как идеальный монарх-просветитель, и Екатерина II со своей классицистической программой продолжает идти по петровскому пути.

Неоспоримым также представляется огромное и благотворное влияние екатерининской эпохи на последующий период культурного развития страны. Именно со времени правления Екатерины II берет свое начало «Золотой век русской культуры», представляющий собой прямое продолжение екатерининского «Золотого века». И если бы не существовало И. И. Бецкого с его многочисленными грандиозными проектами по просвещению страны, то не было бы ни произведений Пушкина и Лермонтова, ни романов Гоголя и Льва Толстого, как мы не могли увидеть их, к примеру, в XVIII в. Выдающиеся достижения России в области культуры были созданы детьми и внуками дворян, вступивших в лоно Просвещения при Екатерине II.

И конечно, следует отметить, что сама Екатерина II превосходно сознавала свою миссию и роль в истории как государыни, которая смогла распространить, расширить европейскую культурную основу и влияние, начатое Петром I, на достаточно широкие российские круги, придав реформам императора необратимость. Данная идея получа-

ет отражение в памятнике императору: «Петру I – Екатерина II», то есть начинающую преобразований Петру I от продолжающей и завершающей их Екатерины II [7].

К концу правления Екатерины II ситуация в корне изменяется. И в моду входит не один только язык, а вся культура Франции, что можно объяснить централизацией, столь характерной для обоих государств. Наряду с влиянием идеи Просвещения и началом социального служения, французская культура принесла с собой другие «тренды громовой эпохи» – исключительную роль социального начала в жизни человека, соответственно, значение роскоши и наслаждения, которые с течением времени оказывают исключительно большое и одновременно противоречивое влияние на всю общественную жизнь.

Как принято считать, основу ситуации культурного раскола заложил царь Петр I своим планом по модернизации – вестернизации страны. Но следует отметить, что в эпоху Петра I культурное влияние Европы было крайне узким и поверхностным, распространяясь в большей мере на технологический и практический аспект, чем на культурные основы общества и государства в целом. Внимание обращалось на те достижения Запада, которые практически работают, а это еще не несло в себе какого-либо негативного или опасного влияния. Даже дворянин елизаветинского времени был, по большому счету, преимущественно еще все тем же человеком, что и век назад, но лишь «задекорированным» на пример Европы (собственно, каким и был в определенной мере сам Петр I). И распространение роскоши елизаветинского времени являлось очень узкой, почти исключительно придворной привилегией, а поэтому и не было способно оказать какого-либо социального влияния, за исключением истощения бюджета наряду с войной. Поэтому раскол культуры не являлся слишком значимой проблемой доекатерининского времени, а много более существенной здесь представляется проблема эффективности системы управления и продолжения реформ.

Иная ситуация прослеживается в период правления Екатерины II. Ее эпоху отличает относительно широкое распространение глубокого культурного влияния, такого как изменения образа жизни и мышления, что скрыто в общей формуле «эпоха Просвещения». Здесь уже можно наблюдать мировоззренческие изменения, затрагивающие отношение к власти, к государству и к монархии, сам социальный образ жизни, формируемый под непосредственным влиянием любви французов к роскоши и наслаждению.

Именно с Екатерининского времени российский дворянин стал постепенно, но неуклонно двигаться по направлению к Европе. Происходит явственный культурный и мировоззренческий отрыв дворянства от огромной части остального населения страны. Дворянство выбирает эталон культурной жизни Франции, не обладая должной степенью рациональности и характерного ее культуре антропологизма. Роскошь и стремление к богатой и непринужденной светской жизни смогли охватить собой значительную часть дворянства, своевременно освобожденную указом Петра III от службы и, конечно, не желавшую иметь ничего общего с «рабами-крепостными».

Вызывающее поведение части дворянства уже было повсеместно очевидно, и скрыть сей факт, как при «Петровой дочери», было уже просто невозможно. Пропасть отчуждения «элиты» от народа начинает разрастаться, чтобы достичь максимума на рубеже XIX–XX в.

Однако еще неизвестно в полной мере, как на самом деле могла сложиться ситуация, если бы эпоха Просвещения одновременно не оставила «наследства», выступившего в качестве «запала» для уничтожения всей выстроенной со времен Петра I общественной системы. Но, «модернизовав» российскую элиту и систему управления страной, она одновременно обеспечила и средство «преобразования» общества в дальнейшем. И подобным средством была установка на приоритетность ценностей и интересов социальной жизни человека, отрицавшая сакральное значение ценностей русской культуры.

Для культуры Древней Руси, как в определенной степени и для Второго Рима – Византии, исторически приоритетной представлялась ситуация превосходства духовного над социальным, обуславливавшая незыблемость идеи социального порядка и системы положения вещей. В отличие от Ренессанса, центром выступал не человек, а Бог и его воплощение в земных условиях – царь, что позволяло утверждать ассоциированную со значением личности царя приоритетность интересов государства. Так, по сути, развивается сама идея Просвещения в России [8].

Но в рамках утверждения влияния светской культуры Франции идея социального начала выступает как главенствующая и основная. Смысл человеческого бытия – в хорошей, обеспеченной, веселой и притом рациональной жизни [9].

По традиции принято считать, что в потрясениях начала XX в. «виновато» увлечение интеллигенции германской философией, и Гегелем в особенности, так как Гегель через диалектику отстроил логику процесса изменения общества. Но в действительности общая причина ситуации лежит несколько глубже и состоит во влиянии эпохи Просвещения во Франции. И хотя принято считать, что у марксизма три основы и источника, действительный духовный корень заключен в идеологии времен Французской революции.

Философская мысль Франции, по крайней мере начиная с XVIII в., по характеру определено социальна. И она сосредотачивает понимание и мышление человека на круге вопросов и проблем сугубо социального характера, а средством для решения этих проблем, опять же, на основе самой социальной сферы, выступает «разум», рассудок. Изменение социального порядка, как подвластное рассудочным основам, представляется вполне логичным и целесообразным.

Очевидно, что организация власти в России не являлась, с точки зрения философии эпохи Просвещения, ни разумной, ни рациональной, потому что восходила непосредственно к сакральному, духовному и

высшему началу. А потому она не вписывалась в то самое влияние культуры Франции, которое столь мощно и усердно утверждалось со времен правления Екатерины II.

Представленный анализ позволяет дополнительно осмыслить роль эпохи Нового времени в развитии научного познания, определив ее не только как эпоху выдающихся научных достижений, но и как основу и начало социально-государственного доминирования в области научной деятельности, что не могло не сказаться на подходах и направленности интересов.

Логика развития науки, исходя из внутренней специфики процесса становления знания, оказалась изначально искаженной, потому что в центре интересов полагалось социально-прикладное знание. Отсутствие направленности на изучение и постижение человека во взаимосвязи с миром непосредственно лишало знание начала целостности и универсальности и создавало дробную и мозаичную картину, воплощенную в формировании ряда интеллектуальных областей.

Реализация развития науки под главным влиянием и в интересах государства с неизбежностью способствовало представлению о доминировании социального начала в человеческой природе и в существовании человека. Это получило отражение в дальнейшем в положении о социальной сущности или природе человека. Человек оказывался отрезан от природы и от мира и всецело поглощен системой социальной сферы. Индивид понимался и воспринимался только в рамках государства, общими пределами которого и было ограничено присущее ему мировоззрение.

Начиная с этого момента представление о человеке как о непосредственно природном и универсальном существе было утрачено, а человек стал интересен своей социальной функцией, выполняемой им в рамках системы государства. Человек, представленный в пределах социальной сферы, стал предметом изучения и анализа гуманитарных наук в много большей мере, чем естественнонаучных. Соответственно,

само мышление, даже сознание человека было поставлено в узкие рамки социальной сферы и вопросов социального характера, из которого оно и до сегодняшнего дня не способно выбраться.

Представляется понятным, сколь серьезный и значительный удар был нанесен по сфере научного познания. Та наука, которая не отражала государственный запрос, по сути, становилась откровенно не нужна. Подобная позиция, вполне естественно, мало способствовала росту знания о человеке в целом, за исключением его роли как объекта для общественной манипуляции и управления.

С течением времени ситуация контроля за сферой науки становилась исключительно серьезной. Государственная власть указывала, каким кругом вопросов стоит и не стоит заниматься, в том числе и через общепринятый общественный стандарт. А от системы подражания в рамках общества оказывались несвободны почти все ученые, за редким исключением, особенно же если это дополнялось бонусами социально-материального характера. Великий кардинал и герцог Ришелье и сам король Луи XIV еще создавали видимость свободного развития науки и поддержки государством области научного познания. А затем наука была полностью приручена, приучена к «общественному поведению».

В завершение анализа процесса эволюции научного познания в его взаимосвязи с логикой развития культуры представляется необходимым обратить внимание на ряд существенных аспектов.

Учитывая нелинейную направленность развития научной мысли в целом, важно подчеркнуть, что определенные эпохи представляются в наибольшей мере плодотворными. И обеспечение преемственности с данными эпохами имеет исключительно серьезное значение для развития научного познания. Особенно учитывая, что подобные эпохи завершались ситуацией упадка, что препятствовало сохранению, распространению и развитию представленных в их рамках достижений.

И к сожалению, далеко не каждая эпоха была способна обеспечить даже не реализацию фундаментальных разработок, а простую ситуацию преемственности знания, которое, подобно тонким, слабым ручейкам, порою проникало в новый период, чтобы с течением исторического времени вновь возродить живительный источник знания. Так, позднеантичная культура и наука периода эллинизма, миновав благодаря Византии в некоторой мере мрак Средневековья, получила ситуацию преемственности в лице периодов Ренессанса и барокко. Но уже культура классицизма, получившая сравнительно широкое распространение в условиях России, к сожалению, не обладала непосредственной возможностью трансляции позднеантичных достижений. А культуры Ренессанса в ее полном, завершённом, европейском смысле у России просто не было. В этой связи особое значение имеют школы или люди, обладающие непосредственной преемственностью в отношении культуры и образования с системой ценностей эпохи Ренессанса и барокко, как предполагающих взаимосвязь с поздней Античностью и антропологический характер интересов. Хотя, разумеется, они не очень характерны для сегодняшней России.

Ситуация особенно интересна еще тем, что современная эпоха, как и поздняя Античность, также представляет собой период цивилизационного характера и также отмечается развитием научного познания при его практико-ориентированном содержании. Поэтому сегодня, исходя из уровня научных достижений и открытий, исключительно существенен вопрос обеспечения преемственности и направленности в логике научного познания, который органично связан с фактором приоритетности и выбора подходов. Желательно, чтобы направленность развития научной мысли могла обрести антропологический характер или же, по крайней мере, обнаружила подобную тенденцию, что привело бы к относительно паритету интересов – социально-государственного и непосредственно антропо-ориентированного плана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бутов А. Ю.* Наука и проблема человека в логике развития культуры Западной Европы (часть 1) // Гуманитарное пространство. Международный альманах. 2017. Т. 6, № 2. С. 120–130.
2. *Бутов А. Ю.* Наука и проблема человека в логике развития культуры Западной Европы (часть 2) // Гуманитарное пространство. Международный альманах. 2018. Т. 7, № 1. С. 65–91.
3. *Лихачев Д. С.* Барокко и его русский вариант XVII века // Русская литература. 1969. № 2. С. 18–45.
4. *Андерсон М. С.* Петр Великий. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. 352 с.
5. *Ключевский В. О.* Сочинения в 8 т. Т. 8: Исследования, рецензии, речи (1890–1905). М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. 490 с.
6. *Карев А. А.* Классицизм в русской живописи. М.: Белый город, 2003. 320 с.
7. *Федотов Г. П.* «Путь» №№ 28–29, 1931 // Новый град. 1931. № 1. С. 96–97.
8. *Лазарев М. А.* Искусство Византии: римские и православные традиции // Гуманитарное пространство. Международный альманах. 2012. Т. 1, № 2. С. 298–312.
9. *Шпенглер О.* *Закат Европы.* Очерки морфологии мировой истории. В 2 т. М.: Мысль, 1993. 1270 с.

REFERENCES

1. Butov A. Yu. Nauka i problema cheloveka v logike razvitiya kultury Zapadnoy Evropy (chast 1). *Gumanitarnoe prostranstvo. Mezhdunarodnyy almanah.* 2017, Vol. 6, No. 2, pp. 120–130.
2. Butov A. Yu. Nauka i problema cheloveka v logike razvitiya kultury Zapadnoy Evropy (chast 2). *Gumanitarnoe prostranstvo. Mezhdunarodnyy almanah.* 2018, Vol. 7, No. 1, pp. 65–91.
3. Lihachev D. S. Barokko i ego russkiy variant XVII veka. *Russkaya literatura.* 1969, No. 2. pp. 18–45.
4. Anderson M. S. *Petr Velikiy.* Rostov-on-Don: Feniks, 1997. 352 p.
5. Klyuchevskiy V. O. *Sochineniya v 8 t. Vol. 8: Issledovaniya, retsenzii, rechi (1890–1905).* Moscow: Izd-vo sotsialno-ekonomicheskoy literatury, 1959. 490 p.
6. Karev A. A. *Klassitsizm v russkoy zhivopisi.* Moscow: Belyy gorod, 2003. 320 p.
7. Fedotov G. P. “Put” No.No. 28–29, 1931. *Novyy grad.* 1931, No. 1. pp. 96–97.
8. Lazarev M. A. *Iskusstvo Vizantii: rimskie i pravoslavnye traditsii. Gumanitarnoe prostranstvo. Mezhdunarodnyy almanah.* 2012, Vol. 1, No. 2, pp. 298–312.
9. Spengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii. In 2 vols.* Moscow: Mysl, 1993. 1270 p. (in Russian)

Лазарев Максим Александрович, кандидат педагогических наук, главный специалист, Вольное экономическое общество России, Департамент научных конференций и всероссийских проектов
e-mail: humanityspace@gmail.com; cerambycidae@fromru.com

Lazarev Maxim A., PhD in Education, Chief Specialist, Free Economic Society of Russia, Department of Scientifics Conferences and All-Russian Projects

e-mail: humanityspace@gmail.com; cerambycidae@fromru.com

Статья поступила в редакцию 02.12.2019

The article was received on 02.12.2019